

А. И. Корсак

Воинские захоронения периода Великой Отечественной войны на территории белорусско-латвийско- русского пограничья в советской практике увековечения памяти

Введение. 75-летие Победы в Великой Отечественной войне с новой силой обратило внимание исследователей на проблемы, связанные с событиями 1941–1945 гг. и реакцией на них советского союзного и республиканского руководства послевоенного времени. В первую очередь анализируются последствия нацистского оккупационного режима (материальные и человеческие потери) для территорий, пребывавших под административно-территориальной юрисдикцией Германии, а также потери в результате боевых действий 1941 г. и в период освобождения 1943–1944 гг.

В последнее время в центре внимания оказываются вопросы военной повседневности на локальных уровнях¹, проведения нацистской оккупационной политики с учетом территориальных особенностей, а также вопросы, связанные с деятельностью Чрезвычайной государственной комиссии по установлению немецко-фашистских преступлений и ущерба, причиненного оккупированным территориям². Что касается исследований по северо-западной части РСФСР, то здесь основное внимание обращено на освещение истории блокадного Ленинграда и его освобождения³. Но в поле зрения историков так и не попала тема исследования воинских захоронений солдат Красной (Советской) армии (далее — Красная армия) на пограничной территории Беларуси, России и Латвии.

**Корсак Алеся
Иосифовна**
канд. ист. наук,
доц., Полоцкий
государственный
университет
(Полоцк, Республика
Беларусь)

Тема Великой Отечественной войны в постсоветский период приобрела политико-идеологический оттенок и стала своеобразным оружием в руках многих политиков. Можно долго спорить о правильности принятия политических решений советского руководства в предвоенный период и на начальном этапе событий 1941–1945 гг. Но особенно прискорбно осознавать, что воин Красной армии, сражаясь в первую очередь за свою малую родину, помня своих родных и близких, зная, что каждый день они могут оказаться жертвой нацистского режима, сегодня стал объектом «войн памяти».

На основе архивных документов, еще не введенных в полной мере в научный дискурс, рассмотрим непосредственно начальный (послевоенный) период в политике советских властей по сохранению памяти погибших воинов Красной армии в сравнительном анализе белорусско-латвийско-русского пограничья. Речь идет о постановлениях и решениях местных органов власти, принятых в рамках политики мемориализации воинских захоронений.

Понятие «воинские захоронения» мы будем понимать как захоронения погибших при защите Отечества, т. е. участников боевых действий периода Великой Отечественной войны, к которым можно отнести воинов Красной армии, а также партизан и подпольщиков.

Территориальные рамки исследования — белорусско-латвийско-русское пограничье, т. е. сопредельная территория Латвии, Беларуси и России в современных границах; также привлекаются примеры по Краславскому краю (Латвия), Псковской области (Россия) и Витебской области (Беларусь).

Теоретико-методологическая основа исследования — методы общенаучной направленности (описательной статистики и классификации), а также специально-исторические (историко-сравнительный и историко-типологический).

Деятельность республиканских органов власти по уходу за воинскими захоронениями белорусско-латвийско-русского пограничья до 1946 г. Союзное Постановление СНК от 18 февраля 1946 г. № 405-165с⁴, подписанное Председателем СНК СССР И. Сталиным, стало определяющим документом в проведении политики увековечения памяти руководства советских республик, на территории которых в 1941–1944 гг. велись боевые действия со значительными потерями среди рядового и командного состава Красной армии. Данный нормативно-правовой акт регламентировал процесс благоустройства могил воинов Красной армии, погибших в годы Великой Отечественной войны, и был обязателен для исполнения руководством всех союзных республик от председателей Совнаркомов до краевых, областных, городских и районных Советов депутатов трудящихся совместно с местными военными органами. Остановимся на нем более подробно.

Сроки для выполнения постановления были даны, на наш взгляд, нереальные. Так, предписывалось к 1 июня 1946 г. взять на учет существующие военные кладбища, братские и индивидуальные могилы воинов Красной армии и партизан, до 1 августа этого же года благоустроить их (под благоустройством понималось в том числе перезахоронение останков из «неудобных» мест). Более того, к 1 мая 1946 г. Комитет по делам архитектуры при Совнаркоме СССР обязан был разработать 50 типовых проектов памятников для воинских

захоронений периода Великой Отечественной войны. Складывается ощущение, что реальной картины в Москве не представляли.

В условиях полной разрухи хозяйства РСФСР и БССР (территория Латвийской ССР оказалась в несколько лучшем положении) невозможно было выполнить данные поручения в такие сроки. Вопрос заключался не только в материальном обеспечении (транспорт, горючее, досочный материал для изготовления гробов и временных деревянных памятников и т. д.), но и в человеческом факторе — в банальной нехватке рабочих рук. Многие силы были брошены на восстановление народного хозяйства в целом и постройку домов для жителей данных регионов в частности.

Еще одна проблема касается огромного количества первичных мест захоронения на исследуемых территориях, многие из которых располагались в «неудобных» местах. Так, только на территории Полоцкого района (в границах 1944 г.) ныне Витебской области на 1949 г. (момент учета захоронений) зафиксировано около 1000 первичных мест захоронения⁵, а в Краславском районе Латвийской ССР — более 300⁶, разбросанных как в рамках населенных пунктов, так и в лесных массивах и полях. Их следы по прошествии более двух лет после окончания военных действий в ходе освобождения территорий просто невозможно было обозначить. Кроме того, захоронения 1941 г. в принципе не фиксировались в силу определенных обстоятельств. Редкие исключения — захоронения военных местными жителями на гражданских кладбищах, а также в местах, оставшихся в их памяти.

Зачем нужно было указанное постановление, если на территории БССР, Латышской ССР и РСФСР процесс благоустройства братских и индивидуальных могил начался значительно раньше? И речь идет не о приказах, отдаваемых командующими соответствующих фронтов. Например, решением Военного совета 1-го Прибалтийского фронта после освобождения Полоцка местные органы власти 17 сентября 1944 г. установили памятник на братской могиле воинов Красной армии, погибших в ходе Полоцкой фронтовой наступательной операции в июле 1944 г.⁷

Еще в 1944 г. издаются первые документы, регламентирующие процесс захоронения воинов Красной армии и партизан, погибших при освобождении БССР⁸, а в 1945 г. и на территории РСФСР⁹ на локальном уровне, и в Латвийской ССР после окончательного освобождения от нацистской оккупации в мае этого же года¹⁰.

С освобождением Минска 3 июля 1944 г. руководство БССР издало постановление, согласно которому в срочном порядке нужно было решить вопрос о незахороненных телах погибших солдат Красной армии; здесь же указывалось на то, что захоронение нужно «производить на видных и хороших местах, с постановкой памятников»¹¹. Реализация постановлений отдавалась на откуп и совесть местных органов власти и касалась только тех захоронений, которые предстояло еще организовать.

Немногим позже был принят к реализации ряд документов республиканского, а затем областного и районного руководства, имеющих отношение к воинским кладбищам, братским и индивидуальным могилам, возникшим в ходе

действий похоронных команд соответствующих воинских частей¹². Касался он учета и элементарного благоустройства, связанного с подсыпкой холмиков, с посадкой зелени и цветов, с ограждением. Вопрос об укрупнении не стоял.

Локальный документ — решение заседания бюро Псковского областного комитета ВКП(б) от 30 мая 1945 г. — обозначил некоторые моменты увековечения памяти воинов Красной армии и партизан на территории РСФСР: «В целях увековечения памяти... воздвигнуть в 1945 г. и в 1946 г. в г. Пскове и в районных центрах области памятники-обелиски на братских могилах бойцов, офицеров Красной армии и партизан»; также указывалось на необходимость до 1 сентября 1945 г. провести работы по благоустройству всех братских и одиночных могил¹³. К сожалению, других документов в открытом доступе не найдено. Тем не менее соответствующие решения принимались, а значит, тема воинских захоронений была актуальна, и это несмотря на то что после освобождения данной территории шли восстановительные работы на фоне разрухи, голода и недостатка.

На территории Латвийской ССР вопросы, связанные с благоустройством захоронений периода Великой Отечественной войны, выносятся на повестку дня в 1945 г. после полного освобождения республики от нацистской оккупации. Так, Совет народных комиссаров принял Постановление от 4 июля 1945 г. № 615, и к разработке обозначенных в нем планов на уровне городских властей г. Даугавпилса приступили в том же месяце¹⁴. Однако, судя по риторике документа, дела обстояли неважно: «...не смотря на неоднократные указания Горкомхозу, похоронному Бюро о приведении в порядок, содержании могил воинов Красной армии, надлежащих мер в этом направлении не принимается... не имеют точных данных о наличии индивидуальных и братских могил воинов Красной армии в городе и его окрестностях. Выявленные могилы до сих пор по-настоящему не благоустроены (кроме могил в центре города)»¹⁵.

В Даугавпилсе была создана соответствующая комиссия, которая периодически отчитывалась перед вышестоящим начальством. Этого не произошло на территории БССР, где назначались ответственные за проведение работ, как правило, во главе с заместителем председателя районного (городского) исполнительного комитета; в обязательном порядке в процессе участвовал районный (городской) военный комиссар.

Так, 31 июля 1945 г. состоялось первое заседание комиссии горисполкома по вопросам благоустройства и переносу могил бойцов и командиров Красной армии¹⁶. Основным вопросом на повестке дня была организация перезахоронения из первичных мест с соблюдением санитарно-гигиенических норм (наличие необходимой одежды при вскрытии могил и т. д.)¹⁷.

Таким образом, можно предположить, что решения, принимавшиеся республиканскими органами власти, до 1946 г. носили в большей степени «фасадный» характер и не решали в полной мере вопрос, особенно если дело касалось перезахоронения и установки полноценных памятников, а не подправки оград и подсыпки надмогильных холмиков. Однако нужно учитывать, что первые решения имели и санитарно-эпидемиологический характер, так как наличие незахороненных тел солдат как Красной армии, так и вермахта в условиях

летней жаркой погоды могло привести к непредсказуемым последствиям. Исключением здесь стали действия руководства Латвийской ССР, где вопрос о благоустройстве могил решался одновременно с процессом перезахоронения из индивидуальных и малочисленных братских могил.

Постановление СНК СССР 1946 г. и его исполнение на местах. Итак, Постановление СНК от 18 февраля 1946 г. № 405-165с стало отправной точкой для всех союзных республик в увековечении памяти погибших воинов Красной армии и партизан в годы Великой Отечественной войны. К его исполнению приступили незамедлительно, как только документ поступил руководству союзных республик, но вопрос не в этом, так как не начать работы не могли. Дилемма в другом: насколько процесс перезахоронения, укрупнения и установки памятников на вновь образуемых местах воинских захоронений или в уже существующих протекал в срок и с оформлением соответствующих документов (актов, паспортов и т. д.)?

Руководство БССР с 1946 г. издало множество нормативно-правовых документов различного уровня, которые базировались на постановлениях ЦК КП(б) от 14 мая 1946 г. № 827-333/7¹⁸, от 14 июля 1948 г. № 936¹⁹, от 3 мая 1955 г. № 280²⁰, от 16 апреля 1956 г. № 202²¹ и от 8 апреля 1958 г. № 248²², т. е. вплоть до конца 1950-х годов. Анализ архивных документов показывает, что процесс благоустройства воинских кладбищ, братских и индивидуальных могил погибших воинов Красной армии и партизан затянулся до начала 1960-х гг., хотя должен был решиться к концу лета 1946 г.

Перенос могил необходимо было фиксировать в соответствующих документах — актах о перезахоронении; срок их хранения ограничивался пятью годами, соответственно по истечении времени их уничтожали. По Полоцкому району акты за 1949 г. сохранились²³, но при верификации захоронений они оказались во много бесполезными для персонификации захороненных воинов и партизан, так как надписи на табличках практически не читались, сопроводительных документов при телах не находилось (за редким исключением) и т. д. Однако акты оказались абсолютно незаменимыми в понимании логики действий руководства при перенесении первичных мест захоронения.

Судя по риторике серии статей М. Сафроновой²⁴, посвященных теме воинских захоронений периода Великой Отечественной войны на территории Псковской области, проблемы с учетом захоронений, перезахоронением и благоустройством имеют глубокие корни, что характерно и для других советских республик, столкнувшихся с этим вопросом.

Согласно подсчетам М. Сафроновой, произведенным на основе архивных документов, в 1946 г. в Псковской области (в послевоенных границах) на учете состояли 1699 братских и 1928 индивидуальных могил, а на момент освобождения Великолукской области (в послевоенных границах) на ее территории было учтено: воинских кладбищ — 175, братских могил — 3718, индивидуальных могил — 9630²⁵. По современным официальным данным, в нынешних границах Псковской области паспортизированы 773 воинских захоронения²⁶.

Для того чтобы делать какие-то выводы о том, как сейчас обстоят дела с воинскими захоронениями на исследуемой нами российской пограничной

территории, проанализируем данные по одной из братских могил. Так, на территории сельского поселения «Палкинская волость» Палкинского р-на Псковской области в 20 м от д. Шевелево с правой стороны от дороги п. Палкино — Старый Изборск расположена братская могила, в которой, по данным паспорта, захоронены 24 чел. (все известные), погибших в 1944 г. и перезахороненных в 1960 г. из д. Ладыгино²⁷. Отметим, что среди первичных мест захоронения населенный пункт д. Ладыгино не фигурирует.

При первичной обработке документов обобщенного банка данных «Мемориал» нами обнаружены следующие сведения:

— выявлены 25 воинов Красной армии, погибших 27 июля 1944 г.; их первичное место захоронения указано: «800 м севернее Шевели Палкинского р-на»;

— четыре человека из числа офицерского состава 7-й армейской пушечной артбригады (67-я армия), погибшие 30 июля 1944 г. и захороненные на юго-восточной окраине д. Шевели Палкинского р-на, числятся в паспорте захоронения, но только трое из них нанесены и на мемориальную плиту братской могилы;

— из семи человек рядового и сержантского состава 7-й армейской пушечной артбригады (67-я армия), погибших 31 июля 1944 г. и захороненных там же, где и офицеры данной бригады, увековечены имена четырех;

— данные по рядовому Иванову Михаилу Дмитриевичу учтены дважды;

— рядовой Жеребцов Иван Феофанович (умер от ран 16 марта 1942 г. в 54-м медсанбате) ошибочно указан в захоронении по причине одинакового названия населенных пунктов, являющихся первичным местом захоронения, но расположенных в разных районах; в данном случае д. Шевелево Карамышевского р-на (ныне Псковский р-н) ошибочно принята за д. Шевелево Палкинского р-на (ныне существующего);

— фамилии (насколько возможно выяснить правильность их написания) в документах воинских частей, паспорте воинского захоронения и на мемориальной плите не соотносятся между собой, что приводит к искажению персонализированных данных;

— указанная дата гибели, согласно паспорту, во многих случаях не соотносится с именными списками;

— все воины, погибшие в конце июля 1944 г. и имеющие первичное место захоронения окрестности д. Шевелево Палкинского р-на, являлись военнослужащими различных воинских соединений 67-й армии 3-го прибалтийского фронта.

Таким образом, вопросы верификации паспортов воинских захоронений и обновления персональных данных на мемориальных плитах актуальны и требуют своего решения. Это один лишь пример системной проблемы, характерной практически для всей исследуемой сопредельной территории.

Что же происходило на латвийской территории? К 1947 г. на исследованной нами части ЛССР вопрос о перенесении могил был решен — об этом свидетельствует, в частности, наличие отчетных документов Даугавпилсского уезда (в послевоенных границах)²⁸. Насколько добросовестно осуществлено

перезахоронение, сказать трудно. Однако отличительной особенностью данного процесса в этом регионе, исходя из данных Даугавпилсского зонального архива, является то, что многочисленных документов, которые характерны, например, для БССР, нами не выявлено. Можно ли говорить о том, что в Латвии вопрос с перезахоронением был решен к концу 1940-х годов и к нему больше не возвращались, поэтому и распоряжений на этот счет в дальнейшем не издавалось? В некоторой степени это подтверждают данные за 1967 г., содержащиеся в именных списках воинов Красной армии (по состоянию на конец 1940-х годов), погребенных в воинских захоронениях на территории Краславского района (на тот момент). Эти списки до сих пор не утратили актуальности и полноты²⁹.

Воинские захоронения Краславщины отличаются от других тем, что они носят в основном санитарный характер, т. е. это первичные места захоронения воинов Красной армии, умерших от ран, полученных при освобождении населенных пунктов Латвии; захоронения осуществлены медицинскими учреждениями, которые дислоцировались здесь в тот период³⁰. Как правило, документы по учету умерших от ран в военных госпиталях разной специализации, особенно за 1944 г., наиболее достоверны в отношении первичного места захоронения.

Заключение. До принятия основного документа по увековечению памяти погибших воинов Красной армии и партизан деятельность республиканских органов власти имела, с одной стороны, поверхностный характер (что связано с учетом воинских захоронений, бывших в большинстве своем «на виду» и с установкой памятников в крупных городах по решению фронтового руководства), а с другой — санитарно-эпидемиологический.

Постановление СНК СССР 1946 г., устанавливая изначально нереальные сроки, выполнялось еще не одно десятилетие. Об этом говорят не только промежуточные итоги проделанной работы на местах и отчеты контролирующих органов, но и постоянное обращение к данному документу в преамбулах вновь принимаемых постановлений или решений. Особенно это прослеживается по документам белорусских архивов.

В отличие от Беларуси, где в последнее время принимались к реализации государственные программы по увековечению памяти погибших воинов Великой Отечественной войны, направленные на верификацию данных паспортов, в итоге чего установлены ранее неизвестные имена многих солдат Красной армии, на территории Латвии и России, судя по паспортам могил и надписям на надгробных плитах, верификация персональных данных воинских захоронений или не производилась вообще, или носила случайный характер.

Однако главная проблема сегодня состоит в том, что архивные документы (акты о перезахоронении), которые могли бы помочь исследователю в восстановлении послевоенной картины действий местных органов власти по учету, перезахоронению и мемориализации воинских захоронений, во многом утрачены по истечении срока хранения.

¹ См., напр.: *Ещенко Ю. Г., Красноженова Е. Е.* Социальная политика Советского государства в период Великой Отечественной войны на Юге России // *Вопросы истории.* 2017. № 10. С. 30–40; *Krasnozhenova E. E., Karabushchenko P. L., Polikova M. V.* Military everyday life in deci-

sions of the Stalingrad City Defense Committee (1941–1945) // Там же. 2019. № 12 (3). С. 175–181; *Kulik S. V., Krepkaja T. N., Smirnova O. A.* Economic activity in the occupied territory of the USSR (1941–1944): on materials of the North-Western regions of Russia // Там же. С. 207–214.

² См. об этом: *Epifanov A. E., Kulik S. V.* The soviet commissions for determination and investigation of nazi atrocities, 1942–1951 forms and methods of activity // *Nuova Rivista Storica*. 2019. No. 103(1). P. 299–320.

³ См., напр.: *Соболев Г. Л., Ходяков М. В.*: 1) Публикация новых документов как важный фактор дальнейшего изучения обороны и блокады Ленинграда // *Новейшая история России*. 2019. Т. 9, № 1. С. 8–34; 2) Продовольственная комиссия Военного Совета Ленинградского фронта в 1942 г. // Там же. 2016. Т. 1, № 15. С. 8–21.

⁴ Опубликовано в: *Увековечение памяти защитников Отечества и жертв войн в Беларуси, 1941–2008 гг.: документы и материалы / ред. кол. В. И. Адамушко и др.* Минск, 2008. С. 41.

⁵ Зональный государственный архив в г. Полоцке (далее — ЗГА в г. Полоцке). Ф. 1947. Оп. 1. Д. 59.

⁶ Даугавпилсский зональный государственный архив Национального архива Латвии (*Latvijas Nacionālā arhīva. Daugavpils zonālais valsts arhīvs*; далее — LNA DZVA). Ф. 1201. Оп. 1. Д. 9.

⁷ Государственный архив Витебской области. Ф. 3721. Оп. 1. Д. 1. Л. 62.

⁸ Национальный архив Республики Беларусь (далее — НАРБ). Ф. 4п. Оп. 61. Д. 46. Л. 8; ЗГА в г. Полоцке. Ф. 1947. Оп. 1. Д. 59.

⁹ Решение заседания бюро Псковского областного комитета ВКП(б) от 30 мая 1945 г. URL: <http://www.archive.pskov.ru/pobeda65/index.htm> (дата обращения: 15.04.2020).

¹⁰ LNA DZVA. Ф. 292. Оп. 1. Д. 2.

¹¹ НАРБ. Ф. 4п. Оп. 61. Д. 46. Л. 8; ЗГА в г. Полоцке. Ф. 1288. Оп. 1. Д. 3.

¹² Опубликовано в: *Увековечение памяти защитников Отечества и жертв войн в Беларуси*. С. 34–35.

¹³ Решение заседания бюро Псковского областного комитета ВКП(б) от 30 мая 1945 г.

¹⁴ LNA DZVA. Ф. 292. Оп. 1. Д. 2. Л. 157.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Там же. Л. 163.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Опубликовано в: *Увековечение памяти защитников Отечества и жертв войн в Беларуси*. С. 46–47.

¹⁹ Там же. С. 57–59.

²⁰ Там же. С. 99–100.

²¹ Там же. С. 103–105.

²² Там же. С. 114–115.

²³ См., напр.: *Корсак А. И.* «Акты о перенесении погибших воинов Советской Армии в братские могилы 1949 г.» как источник по изучению процесса увековечения их памяти // Архивное дело на Витебщине: история и современность: материалы архивных чтений, посвященных 100-летию государственного архивного строительства на Витебщине и 80-летию Государственного архива Витебской области (19 декабря 2018 г.). Минск, 2019. С. 37–42; *Сафронова М.*: 1) Великая Память и отечественное беспамятство. Часть первая. Из истории воинских захоронений в Псковской области // *Псковская губерния*. 2011. № 43 (565). URL: http://gubernia.media/number_565/03.php (дата обращения: 11.04.2020); 2) Великая Память и отечественное беспамятство. Часть вторая. Из истории воинских захоронений в Псковской области // Там же. № 44 (566). URL: http://gubernia.media/number_566/03.php (дата обращения: 11.04.2020).

²⁴ *Сафронова М.* Великая Память и отечественное беспамятство. Часть третья. Из истории воинских захоронений в Псковской области // *Псковская губерния*. 2011. № 45 (567). URL: http://gubernia.media/number_567/03.php (дата обращения: 11.04.2020).

²⁵ *Сафронова М.* Великая Память и отечественное беспамятство. Часть вторая.

²⁶ Воинские захоронения Псковской области. URL: <https://pobeda60.ru/voinskie-zahoroneniya> (дата обращения: 11.04.2020).

²⁷ Паспорт воинского захоронения д. Шевелево (Большое). URL: <https://obd-memorial.ru/html/info.htm?id=89885387> (дата обращения: 11.04.2020).

²⁸ LNA DZVA. Ф. 558. Оп. 1. Д. 15.

²⁹ LNA DZVA. Ф. 1201. Оп. 1. Д. 9.

³⁰ Альбом кладбищ воинов Советской Армии и партизан, погибших в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. 1972 г. URL: <http://voin.russkie.org.lv/albom1972.php> (дата обращения: 15.04.2020).

Статья поступила в редакцию 15 апреля 2020 г.

Рекомендована к печати 27 октября 2020 г.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Корсак А. И. Воинские захоронения периода Великой Отечественной войны на территории белорусско-латвийско-русского пограничья в советской практике увековечения памяти // *Новейшая история России*. 2021. Т. 11, № 1. С. 174–183.

<https://doi.org/10.21638/11701/spbu24.2021.111>

УДК 94(476) «1941/1945»

Аннотация: В статье на основе архивного материала Национального архива Республики Беларусь, Государственного архива Витебской области, Зонального государственного архива в г. Полоцке и Даугавпилсского зонального государственного архива Национального архива Латвии с привлечением опубликованных документов российских архивов и работ историков рассмотрен процесс сохранения памяти о погибших воинах Красной армии на территории белорусско-латвийско-русского пограничья в послевоенный советский период. Часть документов вводится в научный оборот впервые. Главный вывод автора заключается в том, что принятие решений советскими органами власти на уровне районов и городов в отношении увековечения памяти погибших воинов Красной армии и партизан зависело от степени ущерба в результате нацистской оккупации. Их действия в этом направлении имеют последствия, особенно касающиеся вопросов верификации и персонификации воинских захоронений, которые требуют сегодня решения. В качестве примера приводится первичный анализ братской могилы в д. Шевелево Палкинского района Псковской области. Сравнительный анализ политики сохранения памяти о погибших в годы Великой Отечественной войны путем учета воинских захоронений и их дальнейшей мемориализации на белорусско-латвийско-русском пограничье в послевоенный период дает возможность вывить специфику советских республик в этом направлении. Действия советского руководства зависели от времени освобождения территории от нацистов, а также от качества работы «похоронных команд», которые должны были выполнять захоронение тел воинов Красной армии после окончания боя.

Ключевые слова: сохранение памяти, мемориализация, Великая Отечественная война, воинские захоронения, братские могилы, воинские кладбища.

Исследование выполнено при финансовой поддержке БРФФИ и РФФИ, проект № Г20Р-287 «Народ и власть: оккупанты, коллаборационисты и партизаны на пограничной территории Беларуси и северо-запада России в 1941–1944 гг.».

Сведения об авторе: Корсак А. И. — канд. ист. наук, доц., Полоцкий государственный университет (Полоцк, Республика Беларусь); ale-korsak@yandex.ru

Полоцкий государственный университет, Республика Беларусь, 211440, Витебская обл., Новополоцк, ул. Блохина, 29

FOR CITATION

Korsak A. I. 'Military Burials of the Great Patriotic War on the Territory of the Belarusian-Latvian-Russian Border in the Soviet Practice of Immortalization of Memory', *Modern History of Russia*, vol. 11, no. 1, 2021, pp. 174–183. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu24.2021.111>

Abstract: Using archival materials from the National Archive of the Republic of Belarus, the State Archive of Vitebsk region, the Polotsk Zonal State Archive, and the Daugavpils Zonal State Archive of the National Archive of Latvia, as well as published documents of Russian archives and works of historians, this article examines the process of preserving the memory of the fallen soldiers of the Red (Soviet) Army on the territory of the Belarusian-Latvian-Russian border in the post-war Soviet period. The main conclusion is the correctness (incorrectness) of decision making by Soviet authorities at the level of districts and cities in relation to immortalization of the memory of fallen soldiers of the Red (Soviet) Army and partisans. One example of the primary analysis of a common grave in the village of Shevelevo in the Palkinskiy district of the Pskov region. The comparative analysis of the policy of preserving the memory of those who died during the Great Patriotic War, by taking into account military burials and their further memorialization at the Belarusian-Latvian-Russian border in the post-war period, gives us the opportunity to ascertain the specifics of the Soviet republics in this direction. The actions of the Soviet leadership depended on the time of liberation of the territory from the Nazis, as well as the quality of work of the "funeral teams" that were to perform the function of burial of the bodies of the Red (Soviet) Army soldiers after the end of the battle.

Keywords: memory preservation, memorialization, Great Patriotic War, military burials, mass graves, military cemeteries.

The research was funded by BRFB and RFBR, project no. G20R-287 "People and power: occupiers, collaborators and partisans on the border territory of Belarus and North-West Russia in 1941–1944".

Author: Korsak A. I. — PhD in History, Associate Professor, Polotsk State University (Polotsk, Belarus); ale-korsak@yandex.ru

Polotsk State University, 29, ul. Blokhina, Novopolotsk, Vitebskaya obl., 211440, Belarus

References:

- Commemorating the defenders of the homeland and victims of war in Belarus, 1941–2008. Documents and materials*, ed. by V. I. Adamushko (Minsk, 2008). (In Russian)
- Epifanov A. E., Kulik S. V. 'The soviet commissions for determination and investigation of nazi atrocities, 1942–1951 forms and methods of activity', *Nuova Rivista Storica*, no. 103 (1), 2019.
- Eshchenko Yu. G., Krasnozhenova E. E. 'Social policy of the Soviet state during the Great Patriotic War in the South of Russia', *Voprosy istorii*, no. 10, 2017. (In Russian)
- Korsak A. I. 'Acts on the transfer of the lost soldiers of the Soviet Army to the mass graves of 1949 as a source for studying the process of immortalization of their memory', *Arkhivnoe delo na Vitebshchine: istoriia i sovremennost': materialy arkhivnykh chtenii, posviashchennykh 100-letiiu gosudarstvennogo arkhivnogo stroitel'stva na Vitebshchine i 80-letiiu Gosudarstvennogo arkhiva Vitebskoi oblasti (19 dekabria 2018 g.)* (Minsk, 2019). (In Russian)
- Krasnozhenova E. E., Karabushchenko P. L., Polikova M. V. 'Military everyday life in decisions of the Stalingrad City Defense Committee (1941–1945)', *Voprosy istorii*, no. 12 (3), 2019. <https://doi.org/10.31166/VoprosyIstorii201912Statyi71>.
- Kulik S. V., Krepaika T. N., Smirnova O. A. 'Economic activity in the occupied territory of the USSR (1941–1944): on materials of the North-Western regions of Russia', *Voprosy istorii*, no. 12 (3), 2019. <https://doi.org/10.31166/VoprosyIstorii201912Statyi75>.
- Safronova M. 'The Great Memory and the national oblivion. Part I. From the history of military burials in the Pskov region', *Pskovskaia guberniia*, no. 43 (565), 2011. (In Russian)
- Safronova M. 'The Great Memory and the national oblivion. Part II. From the history of military burials in the Pskov region', *Pskovskaia guberniia*, no. 44 (566), 2011. (In Russian)
- Safronova M. 'The Great Memory and the national oblivion. Part III. From the history of military burials in the Pskov region', *Pskovskaia guberniia*, no. 45 (567), 2011. (In Russian)
- Sobolev G. L., Khodjakov M. V. 'The Food Commission of Leningrad Front Military Council in 1942', *Modern History of Russia*, vol. 1, no. 15, 2016. (In Russian)
- Sobolev G. L., Khodjakov M. V. 'The Publication of New Documents as an Important Factor in the Further Study of the Defense and Blockade of Leningrad', *Modern History of Russia*, vol. 9, no. 1, 2019. (In Russian)

Received: April 15, 2020

Accepted: October 27, 2020